

УДК 1(091)+17

Нравственная проблематика в русском неокантианстве: специфика становления трансцендентальной философии в России

Л. И. Тетюев, П. А. Владимиров

Тетюев Леонид Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tetjuew@mail.ru

Владимиров Павел Анатольевич, кандидат философских наук, преподаватель, Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Саратове, Vladimirov_p_a@mail.ru

Статья посвящена сложной проблеме развития русского неокантианства в контексте истории трансцендентальной философии. Очерчивается общая тенденция развития трансцендентальной философии в форме «истории мотивов», выявленная на основе историко-философского анализа. Становление русского неокантианства как оригинального творческого направления обусловлено его развитием в контексте немецкой неокантианской методологии и стремлением русских философов к самостоятельности мышления. Специфика нравственной проблематики и ее своеобразии наиболее отчетливо отражаются в трудах русских неокантианцев, начиная с А. И. Введенского. Тем не менее общий вектор развития их взглядов согласуется с европейской философской традицией. Б. А. Фохт и В. Э. Сеземан занимаются проблематикой трансцендентального метода, а С. И. Гессен направляет свои усилия на формирование философии образования на принципах критического идеализма И. Канта. Новизна проводимого исследования состоит в выявлении специфики русского неокантианского методологического подхода в контексте развития проекта трансцендентальной философии. Особое внимание уделено проблематике соотношения свободы и ответственности, специфике раскрытия «принципа должностования». В завершение отмечается, что характерной чертой русского неокантианства становится переосмысление неразрывности целостного мировоззрения и взаимодополнительности трех «Критик» кенигсбергского философа. **Ключевые слова:** Кант и трансцендентальная философия, русское и немецкое неокантианство, критический идеализм, логицизм, практическая философия, нравственность.

Поступила в редакцию: 20.06.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-398-402>

Трансцендентальная философия может быть представлена как проект, имеющий сложный путь становления, в котором выделяются определенные исторические этапы. Начало традиционно связывается с основами трансцендентального мышления Платона и Аристотеля, стремящихся

задать границы знанию и опыту сверхчувственно-го, интеллигибельного постижения. Затем теологическое учение о трансценденталиях (единство, истинность и благодать) открывает перспективу для применения аналогии бытия как трансцендентного измерения, что позже сказалось на всей тематике трансцендентальной метафизики сущего. Стремление И. Канта реабилитировать метафизику заставило его обратиться в «Критике чистого разума» к идее трансцендентальной философии. Вместо прежнего вопроса о первых принципах сущего для него становится важным вопрошание о принципиальной возможности знания этих принципов. Трансцендентальная философия выступает у И. Канта системой всех принципов разума, поскольку их знание возможно априори. А это значит, что необходимы изучение и разработка принципов познания. Начиная с формирования проблематики основ человеческой познавательной способности, в трансцендентальной философии значимой становится тематика обоснования теоретического познания, что непосредственно оказало влияние на формирование современной научной методологии.

Неокантианство продолжило этот основной лейтмотив кантовой философии, но и при этом поставило своей целью не только преодолеть имеющиеся трудности, а и качественно переосмыслить основные функции теоретической и практической философии. Интерес к практически значимой составляющей кантовского наследия в неокантианстве порождался философской рефлексией проблемного поля нравственных проблем. Интерпретация этических идей Канта объясняется их философской составляющей и практической ролью в обосновании «интеллигибельного» возможного опыта.

В отличие от общей европейской тенденции специфика восприятия нравственной проблематики в русском неокантианстве сформировалась в контексте исторического развития отечественной философской мысли, широкого влияния религиозного сознания. При этом особо отметим, что интерес к трансцендентальному мышлению подкреплялся в русском неокантианстве не только миром познания, но и нравственным миром человека.

Следует выделить несколько закономерностей, или мотивов, становления трансцендентальной философии в *послекантовском* историко-философском контексте. Первый мотив исходит от основателя системной теории немецкого идеализма – И. Фихте [1, с. 59]. Второй определяется проблематикой новоевропейской философии сознания с позиции логицистской программы (неокантианский логицизм и семантика высказываний Г. Фреге) [1, с. 61–69]. Третий мотив вследствие развития теорий монистической онтологии и гегелевской диалектики порождает кризис трансцендентального идеализма и неокантианства как в Европе, так и в России. Заключительным в данном списке можно назвать новейший мотив «прагматического поворота» в философии, а также современные призывы к реабилитации замысла трансцендентальной философии Канта и развитию программ постнеокантианства.

Обозначенная «история мотивов» требует концептуального дополнения, поскольку первоначально она осмысливалась применительно к контексту развития западноевропейской трансцендентальной философии в XIX–XX вв. Если обратиться к контексту развития русского неокантианства в начале XX в., то стремление к применимости трансцендентальной методики исследования и ее расширения на сферы практического разума определили не только саму специфику русского неокантианства как неоднородного философского направления, а и его однородность общим историко-философским мотивам европейской *послекантовской* философии. Речь идет о втором мотиве в «истории мотивов» трансцендентальной философии. С одной стороны, философская позиция русских неокантианцев во многом согласовалась с немецким неокантианством, в частности, Б. А. Фохт, В. Э. Сеземан и С. И. Гессен всецело относили себя к последователям трансцендентальной философии, основанной И. Кантом. С другой стороны, попытки достичь самостоятельности мышления в собственном подходе к осмыслению успехов немецкого неокантианства и критического идеализма выразились в создании авторских теорий, отличающихся своей оригинальностью. В результате можно наблюдать наличие общего противоречия в вопросах идентичности неокантианской программы и внутренней, имманентной самоидентичности и самостоятельности во взглядах.

Стоит заметить, что не все русские философы причисляли себя к неокантианцам, хотя их идеи находились в явном контексте критического идеализма или были на нем основаны. Философские воззрения русского поэта Андрея Белого (Б. Н. Бугаев) имплицитно выстраивались

на неокантианской методологии, одновременно с этим в его позднем творчестве обнаруживается крайне негативная критика. Представляет интерес позиция мыслителя в определении культуры, которая «есть жизнь сознания, данная в пути самосознания» [2, с. 530] и соответственно этика определялась им из особенностей соотношения индивидуального сознания и комплекса самосознания в культуре. Андрей Белый опирался на рефлексию философии культуры Г. Риккорта, яркого представителя Баденской школы неокантианства, но эксплицитно привлекал и контекст идей символизма, который еще не оформился в русской философской традиции. Не случайно его называют одним из основоположников русского символизма в философии или даже предтечей «современной постмодернистской эстетики» [3, с. 92].

Наиболее четко специфика русского неокантианства отразилась в постановке нравственной проблематики, точнее ее расширения до нового исследовательского горизонта. Нельзя обойти вниманием А. И. Введенского, который стоял у истоков формирования неокантианства в России. В его работах обнаруживается двойственность в восприятии этики и проблем нравственной жизни, которая выражалась в безоговорочном признании «принципа долженствования» и идей практической философии Канта. Нравственность есть чистое понятие разума и определялась она философом через раскрытие феномена веры. Однако понятно, что обозначение контекста иррационального в понимании свободы и ответственности оказывается за рамками кантовского критического идеализма.

В работе «О пределах и признаках одушевления» неокантианец писал, что «кантовский метод» еще не оформился в своей целостности и «нельзя ждать от него быстрых успехов», хотя он может предоставить «что-нибудь прочное» в дальнейшем своем развитии [4, с. 119]. В то же время А. И. Введенский постоянно вел дискуссии по поводу предмета этики. И это понятно, с постановкой нравственных проблем связана философская аргументация существования различных форм веры. Выделяя религиозный и философский контексты осмысления веры, он стремился определить особенность нравственного чувства по отношению к религиозному опыту.

Подобная проблематика была актуальна на рубеже XIX–XX вв., поскольку нравственность и религиозное чувство сопоставлялись в русской религиозной философии. Более того, А. И. Введенский пытался дистанцироваться в своих рассуждениях от идей не только русских религиозных философов, но и от наукоучения

И. Фихте, на что справедливо указывает Н. А. Дмитриева [5, с. 47–49]. Философ не стремился к элиминации религиозной веры из состава способов постижения мира, но и не признавал за верой возможности формировать достоверное знание о мире. Свои исследования А. И. Введенский выстраивал на принципах критической философии [6], но их оригинальность именно в том и состоит, что они изначально в качестве своей основы опирались на метод логицизма и положение о целостном мировоззрении.

Представители «зрелого» неокантианства – В. Э. Сеземан и Б. А. Фохт – обратили внимание на отсутствие в системе критицизма достаточной апробации нравственности и художественного творчества. Б. А. Фохт обозначил неразрешенность в классической кантовской философии вопроса о методах анализа художественного творчества. Философ отстаивал точку зрения, согласно которой необходимо дополнить «познание природы (сущего)» и «познание мира нравственного (должного)» постижением «мира прекрасного», поскольку последнее представляет собой особую форму «направления сознания» [7, с. 137]. Нравственное и природное сливались у него в «чистом чувстве» и «им усвояемой идеи гуманности» [7, с. 144]. Мир прекрасного, обуславливающий наличие «чистого чувства», по Б. А. Фохту позволяет преодолеть искусственное разграничение интеллектуального и нравственного. Философ выдвинул положение о взаимодополняемости всех способов постижения, и главной для него являлась идея о существовании «единства целого всей человеческой культуры» [7, с. 149]. Свой подход русский неокантианец подкреплял рассуждением об универсальности трансцендентального метода, который, по его мнению, способствует достижению целостного восприятия неразрывности трех миров: природы, должного и мира художественного творчества. Нравственность как объединяющая установка теоретического познания и художественного восприятия воплощает в себе в качестве основания принцип долженствования, который делает необходимым раскрытие области эстетического, лежащего вне границ рационального познания.

Тем самым в дальнейшем творчестве В. Э. Сеземан вышел на центральную тему своей философии – проблему структуры знания как сложной системы взаимоотношения компонентов рационального и иррационального. Его теория чистого знания постулирует принцип бесконечности познания, а именно единство и непрерывность научной проблематики, логические корни которой усматриваются в бесконечности познания и неисчерпаемости его объектов [8, с. 99].

Как и Б. А. Фохт, В. Э. Сеземан выявил невозможность раскрытия подлинной сущности знания только рациональными методами познания, которые ограничиваются областью «заданного» и «данного». Так, одной из значимых составляющих целостного представления о мире является область нравственного, которая «предзадана» и не дается в непосредственном опыте, но существует с очевидной необходимостью и общеобязательностью для всех и для каждого. В более поздних своих работах В. Э. Сеземан сконцентрировал внимание уже на проблемах эстетики и ее роли в соотношении рационального и иррационального в системе целостного знания.

Так или иначе, но подобные идеи русских неокантианцев явно расширяют содержание трансцендентальной философии и отличаются как от положений Марбургского, так и Баденского направлений немецкого неокантианства. Если специфика развития идей Б. А. Фохта и В. Э. Сеземана проявилась в расширении трансцендентального метода и в целом критической методологии, то С. И. Гессен сфокусировал свое внимание на проблеме формирования философии образования на принципах практической философии. В его работах философская рефлексия была обращена на соотношение понятий свободы, ответственности и долга и применения их в процессе обучения. Неокантианец обозначил собственную позицию как теорию нравственного и правового образования, подчеркивая, что человек в процессе обучения должен приобщаться к самообразованию и культурным ценностям и, таким образом, к самовоспитанию и осознанию собственной свободы. Согласно С. И. Гессену, если на начальных этапах образования учитель исполняет роль наставника, то на ступени «научного образования» уже должна реализовываться «свобода преподавания и учения» [9, с. 319]. Здесь учитель и ученик выступают равноправными партнерами в приобщении к культурным ценностям. Одной из ключевых проблем в развитии практической философии является проблема соотношения свободы и творчества: «Будучи прикладной этикой, теория нравственного образования в конце концов падает в этику, служившую ей ранее теоретическим основанием» [9, с. 202] в решении задач образования и воспитания.

С. И. Гессен, как и Б. А. Фохт, особое значение придавал исследованиям П. Наторпа, что обусловлено несколькими причинами: во-первых, П. Наторп развивал идеи практической философии в рамках собственной теории социальной педагогики; во-вторых, немецкий неокантианец

пытался раскрыть в полном объеме исследовательские возможности трансцендентального метода, а также его специфику по отношению к другим способам познания, в том числе и к естественнонаучным. Однако русские философы заметно расширяют методологические основания критической философии. В. Э. Сеземан и Б. А. Фохт постулировали наличие иррационального компонента в познании и, следовательно, обозначали проблематику самой возможности знания только в пределах рационального. С другой стороны, С. И. Гессен подвергал сомнению отсутствие взаимосвязи между актами постижения нравственности и процессом социального обучения личности. Только после обретения личностью способности к самоопределению посредством обучения в полной мере осознается собственная свобода.

Как видим, специфика русского неокантианства выразилась в своеобразии выводов, сделанных на основе теоретической рефлексии критического идеализма Канта и применения неокантианской методологии. Характерным стало особое внимание именно к нравственной проблематике долга, свободы и творчества, а не к осмыслению «принципа долженствования», который воспринимался как необходимое условие неокантианского прочтения философии Канта (Г. Коген и П. Наторп). При всем том, что положения И. Канта явно развивались через интерпретацию немецкого неокантианства (кроме А. И. Введенского), русские философы смогли достичь самостоятельности в собственных воззрениях, что отчетливо проявилось при сопоставлении их исследований с немецкой неокантианской традицией. Конечно, методологическая база, примат практического разума в философии и особое внимание к проблемам соотношения свободы и ответственности во многом согласовывались с общей направленностью европейского неокантианства, но стремление к достижению

целостности мировоззрения стало отличительной характеристикой неокантианства в России. Кантовская трансцендентальная философия выступает своего рода фактообразующим началом не только теоретической, но и практической философии. Кроме того, сегодня уже очевидно, что русское неокантианство в начале XX в. приблизилось к пониманию взаимодополнительности трех «Критик» Канта, а это имеет непосредственное философское значение для систематики трансцендентальной философии.

Список литературы

1. Тетюев Л. И. Трансцендентальная философия : современный проект. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 292 с.
2. Белый А. Душа самосознающая. М. : Канон +, 2004. 560 с.
3. Аكوпова Ю. А. От символа к симулякру (на примере «московского текста» Андрея Белого) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 10. С. 92–95.
4. Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления. М. : Книга по требованию, 2012. 119 с.
5. Дмитриева Н. А. Критицизм или мистицизм? А. И. Введенский и русское неокантианство // Неокантианство в России : Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин. М. : РОССПЭН, 2013. С. 40–73.
6. Введенский А. И. Опыт построения теории материи на принципах критической философии. М. : Либроком, 2011. 352 с.
7. Фохт Б. А. Избранное (из философского наследия). М. : Прогресс-Традиция, 2003. 456 с.
8. Сеземан В. Э. Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. М. : Тип. т-ва А. А. Левенсон, 1911. Кн. 1. С. 93–122.
9. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995. 448 с.

Образец для цитирования:

Тетюев Л. И., Владимиров П. А. Нравственная проблематика в русском неокантианстве: специфика становления трансцендентальной философии в России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 398–402. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-398-402>

Moral Problems in Russian Neo-Kantianism: The Specifics of the Formation of Transcendental Philosophy in Russia

L. I. Tetyuev, P. A. Vladimirov

Leonid I. Tetyuev, <https://orcid.org/0000-0002-4453-3509>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tetyuewl@mail.ru

Pavel A. Vladimirov, <https://orcid.org/0000-0003-3993-3636>, Branch of Samara State University of Railways Transport in Saratov, 1 International Ave., Saratov 410004, Russia, Vladimirov_p_a@mail.ru

The article is devoted to the complex problem of the development of Russian Neo-Kantianism in the context of the history of transcendental philosophy. The general tendency of the development of transcendental philosophy in the form of “the history of motives”, identified on the basis of historical and philosophical analysis, is

outlined. The formation of Russian Neo-Kantianism as an original creative direction is the result of its development in the context of German Neo-Kantian methodology and the pursuit of Russian philosophers for independent thinking. The specificity of moral issues and its originality are most clearly reflected in the writings of Russian Neo-Kantians, starting with A. I. Vvedensky. Nevertheless, the general vector of development of their views is consistent with European philosophical tradition. B. A. Focht and V. E. Sezeman deal with the problems of the transcendental method, and S. I. Hessen directs his efforts to the formation of the philosophy of education on the principles of critical idealism of I. Kant. The novelty of the study consists in the identification of the specifics of the Russian Neo-Kantian methodological approach in the context of the development of transcendental philosophy project. Particular attention is paid to the problem of the relationship between freedom and responsibility, the specifics of the disclosure of the "principle of obligation". In conclusion, it is noted that a characteristic feature of Russian neo-Kantianism is the rethinking of the inextricability of a holistic worldview and the complementarity of three "Critics" of I. Kant.

Keywords: Kant and transcendental philosophy, Russian and German neo-Kantianism, critical idealism, logicism, practical philosophy, morality.

Received: 20.06.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Tetyuev L. I. *Transtsendental'naya filozofiya: sovremennyy proyekt* [Transcendental Philosophy: A Modern Project]. Saratov, Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 2001. 292 p. (in Russian).
2. Bely A. *Dusha samosoznayushchaya* [Self-aware soul]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004. 560 p. (in Russian).
3. Akopova Yu. A. From symbol to simulacrum (by the material of Andrei Bely's "Moscow text"). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 2019, vol. 12, iss. 10, pp. 92–95 (in Russian).
4. Vvedensky A. I. *O predelakh i priznakakh odushevleniya* [On the limits and signs of animation]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2012. 119 p. (in Russian).
5. Dmitrieva N. A. Criticism or mysticism? A. I. Vvedensky and Russian Neo-Kantianism. In: *Neokantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedenskiy, Ivan Ivanovich Lapshin* [Neo-Kantianism in Russia: Alexander Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. pp. 40–73 (in Russian).
6. Vvedensky A. I. *Opyt postroyeniya teorii materii na printsipakh kriticheskoy filozofii* [Experience in building a theory of matter on the principles of critical philosophy]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 352 p. (in Russian).
7. Focht B. A. *Izbrannoye (iz filozofskogo naslediya)* [Selected works (from philosophical heritage)]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 456 p. (in Russian).
8. Sezeman V. E. *Ratsional'noye i irratsional'noye v sisteme filozofii* [Rational and irrational in the philosophy of the system]. *Logos. Mezhdunar. ezhegodnik po filozofii kultury* [Logos. International yearbook on philosophy of culture]. Moscow, Tip. t-va A. A. Levenson, 1911, book 1, pp. 93–122 (in Russian).
9. Hessen S. I. *Osnovy pedagogiki. Vvedeniye v prikladnyuyu filozofiyu* [Fundamentals of pedagogy. Introduction to applied philosophy]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1995. 448 p. (in Russian).

Cite this article as:

Tetyuev L. I., Vladimirov P. A. Moral Problems in Russian Neo-Kantianism: The Specifics of the Formation of Transcendental Philosophy in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 398–402 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-398-402>